

*Любовь Гуревич. Прелесть обыкновенного/*

Владимир Шагин: Каталог выставки. СПб., KGallery. 2016.

Владимир Николаевич Шагин родился, по одной версии, в 1932 году, по другой – в 1929-м. С отцом, Павлом Пекшиным, мать рассталась до войны, Владимир был усыновлен отчимом, Николаем Шагиным. В 1945 – 1951 учился в СХШ, где особо не выделялся. Запомнили только, что играл на гитаре, как сказал Константин Симун: «почти на уроках». Был изгнан из последнего класса вроде бы за то, что куда-то без спросу укатил, кажется, в Ригу. В СХШ сдружился с Александром Арефьевым и Шоломом Шварцем.

В 1953 году он поступил на третий курс ЛХУ им. Серова, обычно называемого Таврическим. Геля Писарева вспоминает: «Безумные голубые глаза, голубой костюм и оранжевые штилеты. Входил в компанию стилига: они сидели на галерке и решали свои проблемы». Прочился недолго, женившись, как пишет Рапопорт, на «самой красивой девочке в Таврическом» – Наталье Нейзель, оставил учебу и принялся зарабатывать деньги в качестве профессионального музыканта, чему незаметно выучился.

В 1961 году присоединился к жившему на кладбище Александру Арефьеву: тот таким образом справлял тризну по умершему другу, Роальду Мандельштаму. Не обладая мощной выносливостью товарища, потерял рассудок: вырвал у какой-то женщины сумочку – ему представилось, что она несет в ней донос на их компанию. Его арестовали. И отправили в психиатрическую больницу для преступников, из которой обычно не выходят. Он вышел через семь лет: был так красив и так трогателен, что его выпросила себе у администрации медсестра. Совместная жизнь не получилась, он вернулся к матери, которая считала полезным для его психики неквалифицированный рабочий труд. Так он и трудился до 1979 года, пока не вышел на пенсию по инвалидности. До смерти периодически попадал в психиатрическую больницу.

Но ни болезнь, ни то, чем лечили, на его искусстве не отразились. Он не пускал демонов в свою живопись. Пафос Арефьева, исследующего зло, был ему непонятен.

Арефьев анализирует и обличает, Шагин – воспевает. Его страдальческая жизнь, может быть, объясняет эту патетику прославления незамысловатых радостей обычной жизни. Бравурность, фиксация на простом, крайняя демократичность – все это как будто должно было сделать его образцовым советским художником, но и его в советское искусство не пустили: там воспринимались и позволялись только фальшивые чувства. Хотя его подруга, скульптор Геля Писарева, пыталась добиться для него официального статуса – получилась только их совместная выставка в Голубой гостиной ЛОСХа в 1981 году.

Шагин сложился как художник позже других арефьевцев: истинно шагинское появляется с начала 1960-х годов. Его наследие – это главным образом пейзажи, обычно с фигурами и домашние сцены, с участием женщины. Женщина, причем самая обыкновенная, в буквальном смысле безликая, для Шагина всегда счастье – Рихард Васми в этом видел мещанство.

Красота шагинских женщин – красота абриса. Крепкое женское тело – один из столпов композиции. Конструктивистская мода 1960-х годов позволяет легко вписывать ее фигуру в геометрию лишнего изобилия интерьера. Это же платье впервые на радость мужчинам высоко открывало ноги.

Она же и Дева Мария, и Шахерезада. Мотив из «Тысячи и одной ночи» – две девушки перед глазами мужчины, по-видимому, от этого удвоения и радость мужчины удваивается – один из постоянных. В графике есть мотив двух мужчин и женщины, но он не перешел в живопись.

В графике можно найти: многолюдные застолья, вечеринки, кафе, сцены в больничной палате, в милиции, на лестнице, мужские разговоры и разборки. Но лишь самые прочувственные, достигшие полной ясности, удаются быть переведенными в акварель и в масло. Это мать

и дитя, мужчина и женщина, купальщицы, пляж, женщина перед зеркалом или снимающая платье под взглядом мужчины.

Как и Арефьев, Шагин был равнодушен к портрету. Как и Арефьев, изображал не отдельного человека, а то, что происходит между людьми. Но удавались ему только отношения, полные приязни и доверия.

И как Арефьев, он равнодушен к предметному миру. Предмет – бутылка или ваза с фруктами на столе – только помечает ситуацию. Натюрморт как жанр исключение и обычно не совсем мертвый – цветы в горшках.

Зато город Шагин пишет без усталости. Шагинский Ленинград – нечто противоположное и «блистательному Петербургу», и «петербургскому мифу», то есть городу выморочному, снопоподобному, чуждому живущему в нем человеку. Не похож он и на современный мегаполис. Скорее, его можно принять за мирную провинцию. В нем встречаются прохожие, но нет толпы, нет потока машин. Нет дворцов, архитектурных ансамблей, декора, больших площадей. Того, что невозможно душевно объять, что не связано многими нитями с самим существованием, Шагин не изображает. В поэтике Шагина, чем обычнее вещь, тем милее. Ему было бы совершенно незачем ехать за впечатлениями на Таити. Он выходил на Новочеркасский проспект, делал широкий жест рукой и говорил: «Готовая картина». Новостройка не страшна, ибо человек здесь живет. И внутри ее остается, не истреблено нечто естественно-дикое: какая-то речушка, пустырь, куст, трава, выросшая на задворках. Кажется, нет таких задворков, которые он не мог бы превратить в картину.

Из действительности он берет голый каркас предметов – как в женщине ее абрис. Достаточно немногих, одних и тех же реалий – прямоугольники домов, забор, столбы, провода, линия тротуара, деревья с высоко оголенным мощным стволом. Он не живописует вещи – он помечает их присутствие и одновременно конструирует из них пространство.

Шагинская манера строится на балансе устойчивости и стремительного движения. Мир, принятый как данность, уравновешен и незыблем. Он устойчив благодаря резко выраженным очертаниям предметов, коробкам домов – что старых, где-нибудь на Васильевском острове, что новых, на Кубинской улице – и коробочкам малых строений: гаражей, проходных, сараев, банек. А мощная линия, очерчивающая предмет, стремительна. В ней, и в движении всей живописной массы, ощущается ликование, напор чувства. И одновременно осуществляется связь всего со всем.

Живопись Шагина не воспроизводит живописности вещей и не нуждается в ней. У Шагина живописна – картина, совместное звучание немногих, обычно brutальных красок. Развившаяся из цветной обводки широкая шагинская линия, раскованная и азартная, дает свой вариант синтеза конструктивизма и живописности, графики и живописи.

У Шагина не могло быть вздыбленной фактуры, как у Шварца или Громова – она требует многодневной работы над картиной. А Шагин – тип художника, который пишет в особом, экстатическом состоянии, которое не длится долго и оплачивается огромными нервными тратами. Сил на жизнеустройство, на быт не оставалось. В 1980-е годы он был известен более других арефьевцев, он участвовал в выставках в ДК им. И.И. Газа и ДК «Невский», его работы регулярно экспонировались на выставках в ТЭИИ. И его одиночество изредка нарушалось поклонниками, теми же митьками. Однако заботиться о нем, сопровождать его в тернистом пути никому не было под силу.